

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Пять лѣтъ тому назадъ, переселившись въ С.-Петербургъ, я въ первые три года часто бывалъ у Николая Ивановича Костомарова; имѣя много свободнаго времени, я проводилъ у него два, три вечера въ недѣлю. Мы перечитывали съ нимъ новыя книжки журналовъ, отдѣльныя монографіи, а также новыя книги, касавшіяся Украйны или написанныя на малорусскомъ языкѣ. Чтеніе обыкновенно прерывалось и заканчивалось бесѣдами, крайне интересными для меня: Николай Ивановичъ, по поводу прочитаннаго вставлялъ замѣчанія, дѣлалъ сближенія, высказывалъ свои мнѣнія или-же рассказывалъ о событіяхъ и случаяхъ изъ прошлой своей жизни. Онъ въ это время писалъ свою автобіографію, которая со временемъ появится въ печати; я поэтому не стану передавать этихъ рассказовъ—пусть читатель лучше познакомятся съ ними въ мастерскомъ изложеніи самаго историка-художника.

Какъ ни дорожилъ я этими чтеніями и бесѣдами, но два года тому назадъ я съ крайнимъ сожалѣніемъ принужденъ былъ отказать отъ нихъ, такъ какъ у меня прибавилось много обязательныхъ занятій. Въ послѣднее время я опять сталъ чаще бывать у него, особенно когда болѣзнь его приняла угрожающій характеръ.

Крѣпко врізалось мнѣ въ память впечатлѣніе, которое въ первое время болѣе близкаго знакомства производила на меня личность знаменитаго земляка. Это впечатлѣніе для самаго себя выражалъ я словами: *«плоть немощна, душъ силенъ»*. Неотвязчиво

приходилъ мнѣ на умъ этотъ текстъ, когда я, бывало, бесѣдовалъ съ нимъ, или-же когда онъ жаловался на свои недуги; «духъ силенъ, но плоть слаба» — повторялъ я иногда даже безсознательно, возвращаясь дохой послѣ проведеннаго у него вечера. И теперь, когда его уже не стало, я лучше всего выражу впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, все тѣми-же четырьмя словами.

Покойный Костомаровъ физически одряхлѣлъ раньше времени, по внѣшности казался старѣ своихъ лѣтъ. Морщины на лицѣ, длинная, но рѣдкая сѣдая борода, на головѣ сѣдые, какъ-бы поблекшіе волоса съ желтоватымъ отливомъ, глаза, хотя прекраснаго темноголубаго цвѣта, но плохо фиксировавшіе, недостатокъ многихъ зубовъ, худоба тѣла, согнувшася, подавшася впередъ, не твердая походка мелкими шажками, частое спотыканіе, — все это придавало всей фигурѣ покойнаго характеръ слабости и дряхлости. Ослабѣвшее зрѣніе, по временамъ плохой слухъ, продолжительныя припадки упорнаго кашля и удушья еще усиливали это впечатлѣніе дряхлости, тѣмъ болѣе, что изъ разсказовъ самаго Николая Ивановича можно было заключить, что съ молодости онъ рѣдко болѣлъ, отличался здоровьемъ. Даже въ старости многія привычки его свидѣтельствовали о быломъ постоянномъ здоровьи, о силѣ смолоту. Такъ онъ очень любилъ, напримѣръ, холодъ, порывался купаться съ ранней весны до поздней осени даже въ холодной Невѣ, не умѣлъ вовсе беречь свое здоровье, подчиняться предписаніямъ врача. Простуженный, онъ открывалъ зимою окно въ своей комнатѣ и выходилъ на улицу въ холодную и сырую погоду, употреблялъ пицу, запрещенную ему докторомъ. Все это привычки, вѣроятно усвоенныя въ молодости, когда крѣпкій организмъ все переноситъ; у Николая Ивановича онѣ сохранились и къ старости и, можетъ быть, не мало ускорили его кончину.

Впечатлѣніе дряхлости усиливалось еще постоянною мнительностью. Онъ преувеличивалъ значеніе своихъ болѣзненныхъ припадковъ, постоянно опасался, что они смертоносны; впрочемъ и съ молодости онъ, повидимому, не вѣрилъ въ свое здоровье; такъ онъ разсказывалъ, какъ однажды ему вообразилось, что онъ неизлечимо заболѣлъ; долго всѣ увѣренія врачей, доказывавшихъ ему, что онъ вполне здоровъ, не могли переубѣдить его. Въ старости эта неувѣренность въ собственномъ здоровьи усиливала производимое имъ

впечатлѣніе болѣзненности; послѣдней невольно приписывалась и чрезвычайная разборчивость въ пищѣ; онъ не перебиралъ, правда, кушаній, не желалъ какихъ либо изысканныхъ блюдъ, но за то былъ до нельзя разборчивъ, даже прихотливъ относительно качества пищи, ея свѣжести, способа приготовленія и температуры. Если эта прихотливость напоминала объ ослабленномъ пицевареніи, то чрезвычайная аккуратность и опрятность принимали у него характеръ привычекъ, упорство въ которыхъ свидѣтельствовало о ихъ давности: даже во время болѣзни, онъ отъ нихъ не отступалъ. Вставалъ онъ всегда очень рано, около 6 час. утра, немедленно открывалъ окна своей комнаты и отправлялся гулять; прогулки бывали продолжительныя и отдаленныя: однажды четыре года тому назадъ я былъ не мало удивленъ, когда въ 8 час. утра Николай Ивановичъ посѣтилъ меня, хотя я жилъ отъ него въ разстояніи часа доброй ходьбы и на четвертомъ этажѣ. Возвратившись, Николай Ивановичъ, послѣ утренняго чаю, приступалъ къ работѣ дома, не то въ архивѣ или-же въ публичной библіотекѣ; трудился онъ до четырехъ часовъ, обѣдалъ и потомъ отдыхалъ часа два; вечеръ посвящался чтенію; ночью онъ спалъ мало и чутко. Какъ старикъ, онъ крѣпко привязывался къ давнимъ вещамъ и очень берегъ ихъ—такъ всё его посѣтителі вѣроятно помнятъ, какъ онъ оберегалъ свои столовые часы отъ какого-либо неосторожнаго толчка; многотомную библіотеку свою онъ также очень берегъ, неохотно ссужая даже друзей книгами; при этомъ онъ ссылался на распространенную у насъ северную привычку не беречь или даже вовсе не возвращать чужихъ книгъ; прикупая постоянно новыя книги, онъ отдавалъ ихъ немедленно въ переплетъ; свою огромную библіотеку зналъ онъ отлично и легко отыскивалъ въ ней нужную книгу. Въ такой-же мѣрѣ соблюдалъ онъ аккуратность и относительно квартиры, а также одежды.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ извѣстныхъ здѣсь докторовъ опредѣлилъ у Костомарова старческую немощь (marasmus) и предсказывалъ, что онъ отъ нея и умретъ. Глядя на согбенную, немощную фигуру состарившагося ученаго, можно было повѣрить этому предсказанію; но мнѣ казалось оно вполнѣ неправдоподобнымъ. Я зналъ, что при маразмѣ рядомъ съ физическими замирають постепенно и духовныя силы человѣка, но этого-то замиранія я не

могъ замѣтить. Хотя давнѣе знакомые Николая Ивановича и утверждали, что и въ духовномъ отношеніи онъ представлялъ лишь тѣнь теперь сравнительно съ тѣми годами, когда онъ создавалъ всѣ наиболѣе капитальные свои труды, но я лично былъ мало знакомъ съ нимъ въ то время и потому не могъ самъ дѣлать сравненій. Для меня онъ и теперь, въ старости, такъ рѣзко выдавался своимъ мощнымъ духомъ между всѣми лицами, съ которыми я его сравнивалъ, что я не могъ допустить мысли о происходящемъ уже постепенномъ ослабленіи его способностей. Это впечатлѣніе усиливалось еще и тѣмъ, что я во очію убѣждался въ побѣдѣ сильного духа надъ немощью тѣла. Ослабѣвшими глазами, по цѣлымъ часамъ разбиралъ онъ «старинныя письма», пожелтѣвшія отъ времени; не смотря на кашель и физическую слабость, по долгу писалъ онъ, предпринималъ утомительныя въ его возрастѣ поѣздки къ отдаленнымъ памятникамъ старины или на археологическіе съѣзды, гдѣ участвовалъ во всѣхъ выдающихся засѣданіяхъ.

Припоминаю я еще по этому поводу, какъ года три тому назадъ вечеромъ я засталъ Николая Ивановича совсѣмъ больнымъ; его уже цѣлыя сутки мучило сильное удушье; онъ постоянно стоялъ, по временамъ даже кричалъ отъ нестерпимыхъ болей въ груди. Я предложилъ ему проѣздиться, питая слабую надежду, что перемѣна воздуха и обстановка хоть нѣсколько облегчатъ его страданія; мнѣ хотѣлось также доставить хотя кратковременный отдыхъ его семейству, измученному отъ продолжительнаго ухода за нимъ. Сверхъ ожиданія, Николай Ивановичъ немедленно согласился и мы поѣхали по Набережной Большой Невы сначала на Васильевскомъ островѣ, потомъ на противоположномъ берегу. Сначала и на извожикѣ громкіе стоны и даже крики продолжались; прохожіе обращали на насъ вниманіе—я уже опасался, что насъ, пожалуй, остановятъ; вскорѣ однако-же больной сталъ успокаиваться: печерское подворье, зданіе двѣнадцати коллегій (университетъ), домъ кн. Меншикова (Павловское военное училище), сенатъ и домъ купеческаго собранія, гдѣ прежде помѣщался Румянцевскій музей и на этотъ разъ возбудили интересъ историка въ больномъ; онъ сталъ говорить объ этихъ зданіяхъ, о лицахъ и событіяхъ, связанныхъ съ ними. Стоны стали рѣже, потомъ и вовсе прекратились; съ оживленіемъ рассказывалъ мнѣ Николай Ивановичъ о церковномъ служеніи и кievскихъ

митрополитахъ, о Меньшиковѣ и Петрѣ, о странной судьбѣ зданія, сооруженнаго русскимъ меценатомъ для музея, но превращеннаго потомъ въ игорный домъ. Съ большою радостью слушала я эти рассказы; я думала, что болѣзненные припадки исчезли; но когда мы черезъ полтора часа возвратились къ нему домой, они возобновились, хотя уже не съ прежнею силою.

Да, мощный былъ духъ! Меня прежде всего поражала рѣдкая, феноменальная память, какой я ни въ комъ другомъ не встрѣчала. Мелкія фактическія подробности не только изъ русской исторіи, которой онъ постоянно занимался, но и изъ всемірной, подробныя географическія и хронологическія данныя, напримѣръ не только годы, но и дни рожденія даже второстепенныхъ историческихъ дѣятелей, цитированіе дословно цѣлыхъ актовъ, договоровъ, мѣстъ изъ лѣтописей и историческихъ писателей постоянно вызывали во мнѣ изумленіе. Онъ звалъ наизусть не только родныхъ и отечественныхъ поэтовъ, но и иноземныхъ; помнится, кто-то изъ собесѣдниковъ цитировалъ по польски одинъ стихъ изъ мало-извѣстной пьесы Мицкевича—Николай Ивановичъ продекламировалъ ее цѣликомъ, хотя, какъ оказалось, прошло уже 40 лѣтъ со времени, когда онъ ее читалъ; первоклассныхъ иностранныхъ писателей, Шекспира, Байрона, Шиллера, Гете и др. звалъ онъ такъ, какъ рѣдко знаютъ ихъ соплеменники. Еще поразительнѣе было его знакомство съ народною поэзіею славянъ, отчасти литовцевъ; ближе всего ему было украинское пѣсенное творчество, которое онъ изучилъ до совершенства: онъ не разъ наизусть произносилъ цѣлыя думы съ указаніемъ всѣхъ имѣющихся вариантовъ; въ разговорѣ приводилъ цѣлыя малоизвѣстныя народныя пѣсни. Таже дивная память сказывалась и въ его личныхъ воспоминаніяхъ, въ мелкихъ, часто яркихъ подробностяхъ, которыми отличались рассказы о пережитомъ имъ прошломъ.

Но не только впечатлѣнія, принадлежавшія молодости и зрѣлому возрасту, хранила блестящая память Николая Ивановича; она сохраняла свою дивную воспримчивость и въ старости. Въ этомъ я не разъ убѣждался изъ его рассказовъ о явленіяхъ недавнихъ, убѣждался и изъ той легкости, съ которой онъ усваивалъ новый научный или литературный матеріалъ. Содержаніе прочитанныхъ книгъ или выслушанныхъ разнообразныхъ докладовъ на археологи-

чекскихъ свѣздахъ онъ передавалъ съ замѣчательною полнотою, сопровождая ихъ чрезвычайно мѣткими и остроумными сближеніями и замѣчаніями. При этомъ ясно обозначалась еще одна выдающаяся способность его духа: до глубокой старости новыя свѣдѣнія воспринимались имъ не механически, а стройно укладывались среди громаднаго запаса ранѣе прибрѣтенныхъ знаній; если эти новыя свѣдѣнія противорѣчили какому нибудь выводу или взгляду, ранѣе имъ высказанному, онъ въ интересахъ истины тутъ-же, безъ мелочнаго самолюбія, столь свойственнаго многимъ ученымъ, отказывался отъ своего прежняго мнѣнія. Если онъ поступилъ такъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ на археологическомъ свѣздѣ, когда въ пользу мнѣнія г. Илловайскаго публично отказался отъ своей теоріи о литовскомъ происхожденіи Руси, то и недавно, на моихъ глазахъ, подъ влияніемъ новыхъ матеріаловъ, онъ измѣнилъ во многомъ свой ранѣе высказанный взглядъ на стремленія Богдана Хмельницкаго.

До послѣднихъ дней Николай Ивановичъ не представлялъ ничего общаго съ тѣми учеными, которые всю жизнь разрабатываютъ какой нибудь частный, второстепенный вопросъ, не имѣющій ни научнаго, ни практическаго значенія. Подобная спеціализація и отрѣшенность отъ интересовъ дня, до нѣкоторой степени понятная въ математикѣ и натуралистѣ, встрѣчается и среди историковъ; существуютъ критики, которые даже готовы ставить это въ заслугу ученому. Костомаровъ, напротивъ, всегда старался не упускать изъ виду связи своихъ трудовъ съ наукой въ ея цѣломъ; до послѣднихъ дней, даже среди сильныхъ страданій, онъ съ живымъ интересомъ слѣдилъ за всѣми новыми сочиненіями не только по своей наукѣ, но и за выдающимися успѣхами знанія вообще. Совершающіяся событія находили въ немъ живой откликъ; съ этой стороны, какъ и съ нѣкоторыхъ другихъ, Костомаровъ представляетъ много общаго съ другимъ историкомъ-художникомъ, Маколеемъ; практическая дѣятельность послѣдняго, при существующихъ въ Англійи условіяхъ, была много шире, но интересъ къ современнымъ событіямъ едва-ли больше. Историкъ въ Николаѣ Ивановичѣ всегда шелъ рука объ руку съ гражданиномъ. Живо интересуясь всѣми явленіями современной политической и національной жизни, онъ въ качествѣ историка старался разъяснить происхожденіе этихъ явленій настоящаго, добраться въ прошломъ до ихъ зародыша; изучая факты

проникло, онъ стремился указать ихъ современные намъ послѣдніе отпрыски. Эта черта сказывается не только во всѣхъ его сочиненіяхъ; она еще болѣе проявлялась во всѣхъ его устныхъ разсказахъ и сужденіяхъ. Эту отзывчивость къ современности онъ сохранилъ до глубокой старости; напомню, что, вслѣдъ за еврейскими безпорядками, въ «Кіевской Старинѣ» явился разсказъ его «Жидотрепаніе».

Костомаровъ и въ послѣдніе годы слѣдилъ за новыми произведеніями лучшихъ представителей русской литературы, особенно Тургенева и Льва Толстого; малораспространенныя новѣйшія произведенія послѣдняго отвѣчали до извѣстной степени его религіозному настроенію, но онъ никогда не раздѣлялъ безнадежнаго отношенія къ земному будущему человѣчества; не раздѣлялъ онъ также взрѣній Толстого и Достоевскаго, по которымъ лучшая будущность человѣчества явится результатомъ одного лишь нравственнаго обновленія индивидуумовъ независимо отъ усовершенствованія формъ политическаго и общественнаго быта. Любилъ Костомаровъ и сатиру, но при условіи, чтобы она не требовала коментаріевъ, была весьма понятна, не отличалась излишнимъ многословіемъ, чтобы въ ней притомъ ясно сказывался высокій идеалъ, лежащій въ основаніи отрицательнаго отношенія ея автора къ явленіямъ современной жизни. Какъ и многіе другіе, онъ съ глубокою скорбію признавалъ, что въ современной русской литературѣ замѣчается оскудѣніе талантовъ.

Украинская литература всегда оставалась близкою, излюбленною для состарившагося Іереміи Галки. Внимательно перечитывалъ онъ всѣ, даже самыя незначительныя, впрочемъ вообще очень немногочисленныя произведенія, появившіяся за послѣдніе годы. И здѣсь онъ жаловался на оскудѣніе талантовъ послѣ смерти Шевченка. Украинская литература, по его мнѣнію, предназначена служить массѣ народа, поэтому сюжеты ея должны черпаться изъ жизни народа, изложеніе должно быть вполне доступно пониманію массъ. Этотъ взглядъ онъ всегда примѣнялъ къ оцѣнкѣ украинскихъ произведеній рядомъ съ общими началами всякой здравой критики. Отсюда его осужденія г. Старицкаго за нѣкоторыя его произведенія; онъ не выискивалъ въ произведеніяхъ этого автора отдѣльныхъ неудачно примѣненныхъ или рѣдко-употребляемыхъ словъ, какъ дѣлаютъ это люди предвзято-враждебныя—онъ указы-

валь на неудачный, по его мнѣнію, выборъ сюжетовъ и въ связи съ этимъ недостатки изложенія. Такъ отнёсся Николай Ивановичъ къ переводу «Гамлета». Я возражалъ ему, доказывалъ между прочимъ, что нельзя ограничиваться чисто-крестьянскою литературой, потому что языкъ въ такомъ случаѣ не можетъ развиваться, указывалъ на потребности Галиціи, гдѣ украинскій языкъ получилъ права гражданства въ немногихъ, правда, но все-же среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отчасти соглашаясь, Николай Ивановичъ сослался на невозможность перевода по необработанности языка. Я на удачу прочиталъ тутъ-же нѣсколько мѣстъ изъ «Принца Даньского»; выборъ вышелъ благоприятнымъ для переводчика—изложеніе оказалось звучнымъ, доступнымъ для пониманія и Николай Ивановичъ тутъ-же заявилъ мнѣ, что онъ еще разъ внимательно прочтаетъ книгу. Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ онъ впоследствии встрѣтилъ пьесу того-же Старицкаго «Не судылось»; по его словамъ, авторъ, какъ драматическій писатель, выказалъ въ этомъ произведеніи замѣчательный талантъ, какъ въ выборѣ типовъ и развитіи ихъ характеровъ, такъ и въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ.

О другомъ украинскомъ писателѣ г. Нечуѣ-Левицкомъ Костомаровъ составилъ себѣ высокое мнѣніе по его первымъ произведеніямъ (Дви Московки, Рыбалка Палась Круть, Баба Параска и Баба Палажка). Вмѣстѣ читали мы появившіяся изъ подъ пера этого автора повѣсти «Бурлячку» и «Старосвитьски батюшки и матушки» (последнюю по крайне неразборчивой рукописи). Во время чтенія Николай Ивановичъ выражалъ свое удовольствіе по поводу многихъ мѣстъ изъ этихъ повѣстей («Бурлячка» ему особенно понравилась), но и г. Левицкій, по его мнѣнію, попалъ на ложный путь въ выборѣ сюжетовъ («Хмары», «Причепа»), и его талантъ не далъ тѣхъ плодовъ, какихъ можно было ожидать по началу; при этомъ онъ указалъ на недостаточную отдѣлку, однообразіе тона и напыщенность въ описаніяхъ природы, на встрѣчающуюся иногда искусственность языка, на недостаточное развитіе характеровъ («Микола Джеря»). Я напомнилъ ему условія, въ которыя поставленъ украинскій беллетристъ, указалъ на отсутствіе литературной критики: вмѣсто безпристрастной оцѣнки своего произведенія, украинскій беллетристъ встрѣчаетъ въ большинствѣ печати либо умолчаніе, либо въ извѣстныхъ органахъ печати приправленное заподозрѣ-

ваніями и зубоскальствомъ яростное осужденіе за самый фактъ своего авторства.—Когда я потомъ, черезъ нѣсколько дней опять посѣтилъ Николая Ивановича, онъ прочиталъ мнѣ рецензію на «Бурлячку», напечатанную потомъ въ «Вѣстникѣ Европы».

Послѣднее украинское произведеніе, съ которымъ мы вмѣстѣ знакомились, принадлежало перу г. Мирного; Костомаровъ признавалъ за авторомъ громадный талантъ, соединенный съ близкимъ знакомствомъ и искреннею любовью къ народу; онъ находилъ однакоже, что въ этомъ произведеніи начинающаго автора не вездѣ удачно выбраны и проведены характеры дѣйствующихъ лицъ. Не могу не вспомнить еще и о той искренней радости, съ которой онъ встрѣтилъ извѣстіе о разрѣшеніи «Кіевской Старины», о томъ интересѣ, съ какимъ онъ встрѣчалъ всякую книгу этого журнала; по полученіи ея всѣ другія начатыя чтеніемъ статьи откладывались въ сторону до тѣхъ поръ, пока не оканчивалось изученіе близкаго сердцу журнала—впрочемъ свое мнѣніе объ этомъ журналѣ онъ самъ высказалъ печатно. Самъ онъ нѣсколько разъ выражалъ намѣреніе написать популярную исторію Украины для народа по малорусски; въ это время онъ написалъ повѣсть «Черниговка»; сначала онъ думалъ написать ее цѣликомъ по украински, потомъ издалъ ее по русски, но разговорный языкъ дѣйствующихъ лицъ малороссовъ—украинскій.

Николай Ивановичъ любилъ рассказывать о своемъ прошломъ, быть можетъ потому, что было чѣмъ его вспомнить. Это была жизнь не зауряднаго ученаго или писателя, который послѣ ряда экзаменовъ безпрепятственно достигаетъ профессорской кафедры, чтобы на ней успокоиться и отдохнуть отъ экзаменныхъ и выборныхъ тревоженій. Уже самое происхожденіе и событія его дѣтства представляли много необычайнаго, онъ всегда съ гордостью вспоминалъ о своемъ крестьянскомъ происхожденіи, потомъ ему приходилось не разъ испытывать рѣзкіе и неожиданные переломы судьбы, переходить изъ одного положенія въ другое противоположное; дважды занималъ онъ кафедру и дважды оказался не прочнымъ на ней,—все это черты, рѣдко встрѣчающіяся въ мирной жизни современныхъ ученыхъ,—это скорѣе полная превратностей и трагизма жизнь ученыхъ гуманистовъ эпохи возрожденія; съ ними Костомаровъ имѣлъ еще общее въ томъ, что всю жизнь долженъ былъ бороться

съ неразборчивыми на средства врагами, выступавшими подъ явнымъ или замаскированнымъ знаменемъ обскурантизма. Эта борьба не озлобила его, напротивъ, въ сужденіяхъ Николая Ивановича о людяхъ меня всегда поражало замѣчательное благодушіе и безпристрастіе, которое, какъ мнѣ казалось, переходило иногда даже въ старческой индифферентизмъ. Знаменитый писатель, дорожившій каждой минутой для работы, считалъ себя обязаннымъ аккуратно отвѣчать на всякое письмо, какъ-бы безсодержательно, иногда даже наивно оно ни было, хотя-бы притомъ оно было писано лицомъ, вовсе неизвѣстнымъ отвѣчающему. Человѣкъ, котораго враги много разъ обвиняли въ «развѣнчиваніи отечественныхъ авторитетовъ», виновенъ былъ развѣ въ томъ, что какъ историкъ требовалъ документальныхъ доказательствъ доблести и гражданскихъ добродѣтелей описываемыхъ имъ историческихъ дѣятелей. Я не разъ удивлялся въ немъ крайней осторожности и чрезвычайной сдержанности, когда по какому-либо поводу обсуждались поступки того или другаго изъ его враговъ. Къ враждебнымъ противъ него выходкамъ онъ относился безъ признака злобы, съ какимъ-то всепрощеніемъ, на зло старался отвѣчать добромъ, часто нарушая такимъ образомъ даже общественные интересы. Въ недавнее время одинъ молодой магистрантъ въ своемъ первомъ ученомъ трудѣ обрушился несдержанно на Костомарова; авторъ самъ обнаружилъ однако незнакомство съ общезвѣстными научными и критическими приѣмами; Николай Ивановичъ тѣмъ не менѣе отзывался о диссертациіи своего смѣлаго антагониста съ чрезвычайною снисходительностью; пытался найти въ незрѣлой работѣ какія-либо достоинства; привѣтливо встрѣтилъ онъ потомъ автора, гостепріимно принималъ у себя и на прощаніе снабдилъ его рекомендательными письмами, хотя къ этому времени успѣла обнаружиться и нравственная несостоятельность молодаго искателя; одобрителные отзывы и покровительство Костомарова оказали ему несомнѣнную услугу. Такимъ-же безмѣрнымъ благодушіемъ отличались его отзывы о нѣкоторыхъ ученыхъ, которые сначала прикидывались его послѣдователями, получали при его помощи кафедру, а потомъ стали толковать своимъ слушателямъ, что «Костомаровъ не историкъ», хотя сами своими малочисленными трудами вовсе не доказали своихъ правъ на такое званіе, тѣмъ менѣе на право по усмотрѣнію раздавать или отни-

мать его. Съ какимъ-то непонятнымъ благодушiемъ и всепрощенiемъ относился онъ даже къ тому, что на языкъ его извѣстно было подъ именемъ «іудина предательства», едва не погубившаго его навсегда.

Мнѣ иногда казалось, что это благодушiе является результатомъ старческой немощи духа, равнодушiя и безразличiя, которыя свидѣтельствуютъ, что всѣ счеты съ жизнью и ея идеалами уже заблаговременно покончены. Но потомъ я убѣждался, что въ этомъ всепрощенiи сказывается только прирожденная доброта въ связи съ глубокимъ знанiемъ человѣческой природы, результатомъ наблюдательности, постоянного изученiя исторiи и многолѣтняго жизненнаго опыта. Николай Ивановичъ никогда не забывалъ, что нѣтъ ходячаго зла, какъ нѣтъ на землѣ олицетвореннаго добра; привычка доискиваться всегда причины явленiя сказывалась въ его безпристрастiи, даже снисходительности къ врагамъ; содѣйствовало этому и глубокое религiозное настроенiе, проникнутое христіанскою любовью, наконецъ стремленiе къ истинѣ, всегда очень сильное, боязнь уклониться отъ нея подъ влiянiемъ личной прiязни или вражды.

Относясь ко злу, какъ къ чему-то неизбѣжному, покойный историкъ однакоже никогда не мирился съ нимъ и глубоко вѣрилъ въ окончательную побѣду добра. Стремленiе къ идеалу оставалось въ немъ до смерти: направленiю, усвоенному съ молодю, онъ оставался вѣренъ до конца своей жизни. Горячая любовь къ родинѣ и стремленiе къ благу народа были руководящими идеями всей его дѣятельности; широкое развитiе славянской взаимности, тѣсная связь между славянскими народами для дружнаго противодѣйствiя внѣшнимъ врагамъ, постоянный обмѣнъ идей между ними рядомъ съ широкой племенною и мѣстною самобытностью, основанною притомъ на свободныхъ учрежденiяхъ, на терпимости и личной свободѣ— вотъ въ чемъ, по мнѣнiю Костомарова, должна заключаться ближайшая задача всѣхъ славянъ. Единственное могучее средство для этого, по его мнѣнiю, широкое просвѣщенiе народной массы и высокой уровень образованности въ наиболѣе интеллигентномъ классѣ. Знанiе—залогъ лучшаго будущаго и всяческаго прогресса, которому насилiе въ какой-бы то ни было формѣ является лишь препятствiемъ— вотъ идеи и мнѣнiя, которыя не разъ высказывались мнѣ Николаемъ Ивановичемъ и которыя сквозили во всѣхъ его сужденiяхъ. Иногда

дружныя нападенія враговъ и собственныя размышленія по поводу мрачныхъ современныхъ явленій колебали въ немъ вѣру въ себя и въ истинность идей, которымъ онъ посвящалъ всю свою жизнь: въ такія тяжкія минуты Николай Ивановичъ отрицалъ всякое значеніе за своими многолѣтними трудами, и это самоотрицаніе сопровождалось въ немъ такими нравственными страданіями, что даже присутствовать при этомъ «милліонѣ терзаній» старика-идеалиста было мучительно. Сила духа и тутъ брала верхъ; онъ побѣждалъ эти сомнѣнія и принимался вновь за работу, съ юношескою энергіей, съ чисто малорусскимъ упрямствомъ въ стремленіи къ идеалу, упрямствомъ, которое такъ мѣтко выражено другомъ Костомарова, Шевченкомъ въ словахъ:

«А я, брате,
Таки буду сподиватысь,
Таки буду виглядаты,
Серцю жалю завдаваты».

И жадно «выглядалъ» Костомаровъ явленій, которыя помогли-бы ему унести въ близкую могилу надежду на лучшее будущее. Съ чистою радостью привѣтствовалъ онъ мѣсяца за два до смерти двухъ молодыхъ ученыхъ, труды которыхъ посвящены изслѣдованію украинской старины; Костомаровъ какъ-бы ожилъ; я, за недосугомъ, долго не видѣлъ его; при первомъ-же свиданіи, уже послѣ отъѣзда его новыхъ знакомыхъ, онъ съ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о трудахъ этихъ молодыхъ людей, о ихъ талантливости, о личной обаятельности одного изъ нихъ. До конца своей жизни, Николай Ивановичъ всегда близко принималъ къ сердцу все касавшееся молодого поколѣнія,—на него онъ, вѣрный историческому опыту, возлагалъ всѣ свои упованія; минутныя увлеченія, грубыя иногда выходки, самыя заблужденія молодежи не колебали этой вѣры. Какъ-то за полгода до смерти, въ одинъ изъ вторниковъ,¹⁾ онъ измученный болѣзнію лежалъ въ своемъ кабинетѣ съ закрытыми глазами, какъ-бы совсѣмъ чуждый разговору гостей, толковавшихъ о нашей учащейся молодежи; оказалось однакоже, что хозяинъ слѣдилъ за разговоромъ;

¹⁾ По вторникамъ въ теченіи многихъ лѣтъ у Николая Ивановича собирались его друзья и знакомые; въ прежнее время здѣсь въ этотъ день можно было встрѣчать наиболѣе выдающихся представителей русской мысли.

онъ неожиданно горячо присоединился къ мнѣнію одного изъ собесѣдниковъ, который доказывалъ, что наша молодежь легко поддается вліянію и терпима къ чужимъ мнѣніямъ и желаніямъ, когда къ ней относятся искренне и прямо, но что она никогда не прощаетъ колебаній, двуличности и лицемерія. Даже въ огорчавшихъ его увлеченіяхъ и крупныхъ ошибкахъ нашей молодежи онъ способенъ былъ замѣчать благородные, честные порывы и не умирающее стремленіе къ истинѣ—этотъ, какъ онъ говорилъ, залогъ усовершенствованія въ будущемъ.

Таково было впечатлѣніе, которое производилъ на меня Николай Ивановичъ, особенно въ первое время послѣ переселенія моего въ Петербургъ. Посѣщая его часто, я видѣлъ, какъ крѣпкое отъ природы тѣло его все болѣе и болѣе подтачивалось недугами, потому я сталъ замѣчать, что вмѣстѣ съ тѣмъ по немногу слабѣли и мощныя силы его духа. Урывками, по временамъ, какъ-бы воскресали и сильный умъ его и благородное чувство. Осенью 1881 г. Николай Ивановичъ при переходѣ черезъ улицу на Васильевскомъ Островѣ былъ сбитъ съ ногъ ломовымъ извозчикомъ; оглобля попала ему въ голову, очень близко отъ виска и глаза. Окровавленный возвратился онъ домой; скоро впрочемъ онъ поправился и случай этотъ, повидимому, не имѣлъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Въ 1882 г. къ кашлю и постепенно учащавшимся удущьямъ впервые присоединилось кровохарканье. Оно, кажется, было результатомъ его неосторожности, холодныхъ купаній и несоблюденія діеты; непривычка беречь себя дѣлала эти новыя болѣзненные припадки болѣе упорными и опасными. Желаніе вылечиться отъ недуговъ, освободиться отъ физическихъ нестерпимыхъ страданій, заставляли его обращаться къ докторамъ, хотя онъ медицинѣ вообще мало вѣрилъ и потому неохотно, какъ-бы по принужденію, подчинялся предписаніямъ врачей. Его особенно мучила невозможность продолжать работы; часто жаловался онъ на ослабленіе зрѣнія и слуха, говорилъ, что совершенно потерялъ умственные способности, что все забываетъ, что не можетъ мыслить. И вслѣдъ за такими жалобами садился онъ читать или писать, а послѣ острыхъ припадковъ болѣзни его первый выходъ всегда имѣлъ цѣлью архивъ, гдѣ онъ

собирали матеріалы для новыхъ трудовъ. Лѣто 1883 года Костомаровъ провелъ въ Малороссіи, въ имѣніи своей жены—Дѣдовцахъ (полтавской губерніи, прилущкаго уѣзда); тамъ онъ отдохнулъ, поправился и съ возстановленными силами вернулся въ Петербургъ. Грудныя страданія прошли и люди близкіе къ нему съ надеждой, что онъ еще долго потрудится надъ родною наукою, проводили старый годъ.

Новый 1884-й годъ вскорѣ разбилъ эти надежды: 25 января Костомаровъ возвращался изъ архива иностранныхъ дѣлъ, погруженный въ размышленія о Минихѣ, и вотъ подъ аркой генеральнаго штаба онъ опять былъ сбитъ съ ногъ, на этотъ разъ быстро мчавшимся экипажемъ. Въ безчувственномъ состояніи былъ онъ поднятъ городскими; его сначала доставили въ управленіе участка, потомъ онъ самъ возвратился домой. Казалось, что этотъ несчастный случай также сошелъ благополучно: значительныхъ ушибовъ не было и Николай Ивановичъ быстро оправился. Но скоро къ прежнимъ груднымъ страданіямъ прибавились частыя и упорныя разстройства желудка, странно ослаблявшаго немощнаго уже старика; по временамъ возобновлялись злобщія кровохарканія. Все болѣе уменьшалась возможность трудиться, но не уменьшалась страсть къ труду, не исчезала способность къ творчеству. Пересматривался для новаго изданія Богданъ Хмельницкій, написаны «Реки въ Тавридѣ», собирались матеріалы для новаго выпуска «Русской Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», появились статьи о Минихѣ, задумывались и новыя работы. Подготовка новаго изданія Богдана Хмельницкаго, чтеніе вызывавшаго у Николая Ивановича остроты романа Сенькевича «*Ogniet i miesiąc*» и диссертациі г. Буцинскаго заставили воображеніе историка-художника опять поработать надъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ эпохи, которая послужила темой для его перваго капитальнаго труда. «Жена Хмельницкаго», говорилъ онъ мнѣ, «не дастъ мнѣ покою. Это несомнѣнно была замѣчательная личность; чувствуется, что въ ней надо искать завязку всей драмы Хмельницщины; немного чертъ для обрисовки ея даетъ намъ исторія, но она все-же выдвигаетъ ее: она страстно любима мужемъ, участвуетъ въ пріемѣ польскихъ пословъ, она ихъ угощаетъ, вмѣшивается въ переговоры, потомъ сама пьетъ по приказанію мужа и напивается до пьяна; впоследствии

она измѣняетъ мужу, который нарочно уѣзжаетъ, а Тимошъ, съ вѣдома гетмана, вѣшаетъ ее вмѣстѣ съ соучастниками измѣны; а между тѣмъ Хмельницкій страшно огорченъ ея смертію; долго не можетъ онъ успокоиться, на время теряетъ даже свою обычную энергію и находчивость и терпитъ вслѣдствіе этого крупныя неудачи, имѣвшія чрезвычайно важныя послѣдствія. Въ этой женщинѣ все загадочно; источники, къ несчастью, недостаточно освѣщаютъ ее; я чувствую, что она отличалась выдающимся характеромъ, что принимала активное участіе во всѣхъ великихъ событіяхъ бурной эпохи. Она какъ будто у меня передъ глазами; я ее какъ будто вижу, но не могу уловить ея образа; даже ночью, во снѣ, она является предо мною; мнѣ хотѣлось-бы написать трагедію—для таковой она является вполне подходящей личностью, но у меня нѣтъ достаточныхъ подробностей,—источники молчатъ объ нихъ».

Весною прошлаго года мы опять провожали Костомарова при отъѣздѣ его въ Малороссію; семья и близкіе почитатели надѣялись, что благодатный югъ восстановитъ здоровье больного. Ихъ ожидало грустное разочарованіе. Крайне холодное въ началѣ, потомъ очень сухое и знойное лѣто еще болѣе разстроило его здоровье. Осенью возвратился онъ въ Петербургъ и съ этихъ поръ уже почти не поправлялся, не выходилъ изъ-подъ опеки врачей, безуспѣшно борющихся съ грудными страданіями и желудочнымъ расстройствомъ. Онъ все болѣе слабѣлъ и худѣлъ; блѣдность и прозрачность кожи на лицѣ, ямы на вискахъ и ввалившіяся щеки, страшная худоба всего тѣла—все это живо напоминало изображенія престарѣлыхъ аскетовъ Рибейры. Но временамъ ему какъ будто становилось лучше— тогда онъ посѣщалъ архивы, предпринималъ небольшія прогулки; такъ онъ однажды неожиданно утромъ посѣтилъ знакомыхъ, заинтересовавшихся красивымъ видомъ изъ ихъ новой квартиры. Работать онъ продолжалъ и теперь, но конечно урывками; онъ вновь пересматривалъ свою обширную монографію «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», дополнялъ ее по новымъ матеріаламъ; изъ послѣднихъ онъ съ особеннымъ интересомъ знакомился съ трудомъ польско-галицкаго іезуита Калвцики, у котораго находилъ подтвержденіе своимъ взглядамъ. Въ это-же время писалъ онъ жизнеописанія императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны и приготовилъ всѣ матеріалы для біографіи Ломоносова. Костомаровъ гово-

рилъ, что издавши жизнеописанія этихъ дѣятелей вмѣстѣ съ Минихомъ, онъ довелъ свою исторію до Екатерины II; Петръ III, по его мнѣнію, по своимъ личнымъ качествамъ, не представлялъ условій, вызывающихъ отдѣльное жизнеописаніе.

Жизнеописанія Миниха и Анны Іоанновны уже напечатаны; Елизавета также вполне закончена имъ; о Ломоносовѣ Николай Ивановичъ говорилъ, что его гениальныя способности и труды опять поражаютъ его при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, но что въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ русскаго академика ему предстоитъ разойтись съ большинствомъ біографовъ великаго самоучки. Изготавливалъ къ печати въ это время Костомаровъ и ранѣе написанную статью: «*Семейный бытъ въ произведеніяхъ малорусскаго пѣсеннаго народнаго творчества*»; ему очень хотѣлось приготовить еще статью о чумацкихъ пѣсняхъ, и среди бумагъ, кажется, должны быть черновые объ этомъ предметѣ наброски.

Среди физическихъ недуговъ, страданій и вынужденнаго ими частаго бездѣйствія, смѣняемаго трудомъ, при постоянномъ неутомимомъ уходѣ жены, кончился для нашего дорогаго историка тяжелый 1884-й годъ; новый годъ не принесъ ему облегченія; на нѣсколькихъ консилиумахъ извѣстнѣйшіе врачи (Боткинъ, Кошляковъ, Эйхвальдъ и др.) признали его положеніе безнадежнымъ. По цѣлымъ днямъ лежалъ теперь Н. И. на диванѣ и лишь по временамъ у него хватало силъ для небольшихъ выѣздовъ или прогулокъ; садился онъ въ минуты облегченія и къ письменному столу, чтобы продолжать начатія работы. Въ концѣ вербной недѣли онъ пожелалъ еще разъ видѣть картину Рѣпина «Іоаннъ Грозный послѣ убійства сына», картину, въ которой, по его мнѣнію, художественно воспроизведенъ характеръ Грознаго и вѣроятное настроеніе его въ полный для него трагизма моментъ. Николая Ивановича внесли на лѣстницу выставки; встрѣтивъ здѣсь талантливаго автора картины, онъ съ сердечнымъ удовольствіемъ высказалъ ему свое мнѣніе о картинѣ и выразилъ ему свою благодарность за нее.

На страстной недѣлѣ Костомаровъ послѣдній разъ выѣзжалъ на прогулку. Онъ теперь ужасно страдалъ отъ нестерпимыхъ по временамъ болей, слабости и невозможности работать во время сильныхъ припадковъ болѣзни. Онъ приходилъ въ отчаяніе, призывалъ смерть, призывалъ ее и тогда, когда прихоти его, вызываемая

болѣзнию, невозможно было немедленно-же исполнить. Потомъ опять являлось желаніе жить еще, трудиться—онъ отгонялъ отъ себя мысль о близкой смерти, но она являлась вновь, повидимому не оставляла его.

Со Свѣтлаго Воскресенія можно было ежедневно ждать его смерти. Знакомые земляки упросили его жену, изнемогавшую отъ продолжительныхъ попеченій о больномъ, допустить вхъ къ участию въ уходѣ за дорогимъ страдальцемъ, и вотъ мы видѣли, какъ въ этомъ слабомъ, изнемогающемъ, страшно исхудавшемъ тѣлѣ все еще сказывался великій духъ. Еще въ пятницу на свѣтлой недѣлѣ онъ въ послѣдній разъ сѣлъ писать; сильныя боли часто прерывали его послѣдній трудъ. Это была повѣсть изъ временъ Бирюковщины; выведены Минихъ и какой-то русскій религіозный вольнодумецъ, освобождаемый первымъ отъ розысковъ; изложеніе, насколько я могу судить по вѣсколькимъ прочитаннымъ строкамъ, отличается живостію. Съ большимъ интересомъ относился Николай Пвановичъ къ вопросу объ угрожавшей намъ войнѣ съ Англійей; его пугала эта война; онъ полагалъ, что послѣдствія ея были-бы равно гибельны для обѣихъ сторонъ. Со среды, 2-го апрѣля, онъ уже не оставлялъ постели; лишь изрѣдка открывалъ глаза и отъ слабости мало говорилъ; но временамъ выражалъ свою любовь и признательность женѣ; иногда произносилъ отрывочныя слова и фразы; но ихъ значеніе трудно бывало уловить, такъ какъ неизвѣстно было теченіе его мыслей.

6-го апрѣля послѣ молебна въ память св. Кирилла и Мефодія и отправился къ тому, кто первый оцѣнилъ великія заслуги славянскихъ первоучителей, кто всю жизнь свою посвятилъ дѣятельности, вѣрной ихъ духу. Я чувствовалъ нравственную потребность въ этотъ день услышать хоть слово объ нихъ отъ Костомарова. Тщетная надежда! онъ лежалъ скорчившись на своей постели въ спальнѣ; глаза его были закрыты; на мое привѣтствіе онъ едва слышно отвѣтилъ «здравствуйте!» и съ усніемъ изъ-подъ одеяла протянулъ мнѣ свою руку; я не знаю даже, узналъ-ли онъ меня. Вечеромъ я опять пришелъ, чтобы провести у него ночь. Онъ лежалъ теперь въ кабинетѣ; слышно было его тяжелое, затрудняемое мокротою дыханіе. Прибывшій вслѣдъ за мною докторъ Штанге выразилъ мнѣніе, что больному остается жить лишь нѣсколько часовъ, и предсказалъ при-

близительно самый моментъ смерти. Потянулись мучительные часы. Въ комнатѣ умирающаго находилась его жена, сидѣлка и я; среди тишины раздавалось тяжелое дыханіе больного, сопровождаемое наводившимъ на меня какой-то невольный страхъ клокотаніемъ накопившейся мокроты; чувствовалось, что она тутъ-же, гдѣ-то близко, что достаточно малѣйшаго усилія, чтобы ее вывести; но у больного не было уже достаточныхъ для этого силъ. Изрѣдка онъ мѣнялъ свое положеніе, самъ приподнимался, выражалъ въ одномъ какомъ-нибудь словѣ свое желаніе.

Около 4-хъ часовъ утра клокотаніе какъ будто ослабло. Дыханіе стало менѣе затруднительнымъ; потомъ въ 6 часовъ опять возобновились прежнія явленія. Въ 6^{1/4} часовъ (въ воскресенье, 7-го апрѣля) больной сильно раскашлялся, самъ приподнялся и сѣлъ; жена его поддерживала, кашель продолжался; вдругъ глаза его широко раскрылись и громадныя, неподвижныя, установились въ одну точку, затѣмъ они мгновенно потускнѣли; еще нѣсколько едва замѣтныхъ судорожныхъ движеній и дорогого нашего *гиттеля* не стало.

Въ тотъ-же день художникъ Рѣпинъ написалъ портретъ покойнаго, художникъ Сластіонъ снялъ съ него фотографію, а художникъ Беклемишевъ маску; теперь профессоръ Лаврецкій изготовилъ уже чрезвычайно удачный бюстъ покойнаго; онъ изобразилъ его лѣтъ на 15 моложе, въ цвѣтъ силъ и съ творческою мыслию на лицѣ; сбору съ продажи снимковъ г. Лаврецкій далъ прекрасное предназначеніе служить основаніемъ на стипендію имени покойнаго въ харьковскомъ университетѣ для студентовъ, занимающихся преимущественно мѣстною исторіей и этнографіей. На дняхъ поступятъ въ продажу первые гипсовые снимки съ этого бюста, сдѣланнаго въ натуральную величину; можно надѣяться, что университеты и коллекціи приобретутъ ихъ, не смотря на высокую цѣну; осенью явится въ продажѣ болѣе доступныя по величинѣ и цѣнѣ гипсовые бюсты.

Особенно сильно сказалось глубокое чувство признательности Малороссіи въ заслугамъ великаго ея сына. Покойнаго бальзамировала бывшій студентъ кіевского университета гофъ-медикъ Вывод-

цевъ; отъ Кіева, Харькова, Одессы и другихъ городовъ Малороссіи, не смотря на короткій срокъ, который препятствовали цѣлымъ корпораціямъ, напримѣръ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, получить разрѣшеніе начальства, было особенно много вѣнковъ и другихъ выраженій сочувствія; рѣчи произносились надъ могилой преимущественно малороссами и притомъ представителями трехъ поколѣній (Мордовцевъ, Цвѣтковскій и Галиць). Выразила свое глубокое сочувствіе Костомарову и молодежь, которую онъ такъ любилъ и цѣнилъ при жизни: не смотря на трудное экзаменное время, она явилась въ огромномъ числѣ; во весь путь, смѣняясь, провожали его гробъ три хора изъ учащейся молодежи съ пѣніемъ «Святый Боже»; молодежь, не смотря на одиннадцати-верстное разстояніе, все время несла тяжелый металлическій гробъ и никому не хотѣла уступить права доставить останки дорогого ей человѣка къ его послѣдному, вѣчному жилищу.

В. Беренштамъ.

